

Часть первая
ПЛОТЬ
КАК МЕТАФОРА

I. БРЕННОСТЬ И НЕДОЛГОВЕЧНОСТЬ

Дни папы сочтены

Июнь 1064 года. Петр Дамиани (1007–1072), один из вдохновителей реформы церкви XI века, шлет папе Александру II (1061–1073) небольшое сочинение, чтобы обратить его внимание на одну, на первый взгляд, курьезную проблему: «отчего глава Апостольского престола никогда не живет долго и в скором времени наступает его последний час?»¹. Вопрос звучал непривычно и смело. Никто еще не рассуждал о краткости жизни понтификов. К тому же Дамиани писал папе, который к тому времени правил всего несколько лет. Мантуанский собор только что, в июне, признал его легитимность, положив конец расколу, начавшемуся двумя годами раньше, с избранием антипапы Гонория II².

Если верить Дамиани, понтифик сам попросил его поразмышлять над странным совпадением: ни один из его предшественников не прожил в служении больше четырех-пяти лет³. Пытаясь понять природу этого тревожного явления, автор послания охватил взглядом историю папства и обратился к своду папских жизнеописаний — «Папской книге» (*Liber pontificalis*). И тогда ему открылась еще более удивительная историческая закономерность: ни один понтификат не длился так долго, как служение св. Петра, то есть двадцать пять лет, согласно раннехристианскому преданию⁴. Хронология «Папской книги» предельно ясно указывала на то, что ни один папа не достиг «лет Петра»⁵. Это открытие, несомненно, впечатлило Дамиани, тем более что оставалось всего три года до тысячелетнего юбилея кончины апостола (1067)⁶.

Опираясь на близкое знакомство с понтификом и на свой непререкаемый авторитет, он сразу делает первый вывод: жизнь коротка только у папы, а «необходимая краткость его дней не встречается ни в одной другой церкви на земле» и не затрагивает королей⁷. «Спаситель мира родился от Девы во время очень долгого правления Октавиана Августа (56 лет), а Давид, из корня которого Христос соблаговолил произойти, царствовал сорок лет».

Выходит, что два самых важных с точки зрения автора царствования в истории намного длиннее любого понтификата, и даже самые краткие правления прочих государей не бывали столь краткими, как правления пап⁸.

Итак, краткость — основной элемент, характеризующий жизнь папы, отличающий его от епископа или короля. Краткость жизни говорит о том, что папа отличается от любого другого государя. Это исключительная черта, приданная ему по воле Бога, «тайна, предпосланная Промыслом, чтобы в первейшем из них внушить роду людскому страх смертный, чтобы поправить славу временной жизни». Папа, «первейший из людей, призван умереть в скором времени, и страх перед этим всякого заставляет задуматься о собственном конце: видя, как легко рухнет вершина кроны, древо людское всеми ветвями трепещет под ветром страха»⁹. Ужас, который наводит смерть папы, — совершенно особого рода, его ни с чем не спутаешь, потому что она — послание вселенского масштаба, все «до глубины души потрясены, ибо страшатся и собственного конца»¹⁰. Смерть папы всем и каждому торжественно напоминает о тщетности мирской славы, призывает приготовиться.

Смерть короля касается лишь управления его королевства, смерть папы лишает мир отца. Есть тому доказательство от противного, настаивает Дамиани: что Африка знает об азиатских владыках, а Эфиопия — о князьях гесперийских? Им нет дела друг до друга, ни живым, ни мертвым, потому что они — далеко. Земные правители пребывают в своих землях, известие об их смерти не достигает других стран. О кончине папы узнают везде, потому что он — единственный «вселенский епископ», *episcopus universalis*, всех церквей¹¹. И еще: смерть короля не вызывает такого ужаса, потому что светские правители вообще часто погибают от меча или «иной смертью». Жизнь папы завершается по чину естества, известие о его смерти не может не вызвать великого страха¹².

Дальше идет подробное разыскание на тему того, что все творение — небо, земля, воздух, вода и все, что в них, приведено в гармонию с мудростью и добротой исключительно для счастья и на пользу человека. Вода и земля согласно дарят ему травы и деревья. Травы превращаются в животных, те тучнеют и становятся сладкой пищей. Всякая тварь на небе, на земле и в воде служит человеку и подчиняется его власти. Стихии сотрудничают, чтобы представить ему удивительное разнообразие плодов¹³.

Этот гимн вселенной занимает половину послания и представляет собой почти что самостоятельный трактат. Неслучайно в восьми рукописях название отсылает к двум поднятым здесь вопросам: «Почему папа живет недолго и почему творение служит человеку?»¹⁴ Уход от темы — лишь видимость. Наоборот, именно здесь разговор о самосмирении становится максимально ясным и чеканным. Сначала нам предлагают взглянуть на все человечество. Человек может распоряжаться творением, но человек он только в той мере, в какой признает «творца людей», Бога. Нарушая заповеди, он перестает быть самим собой. Согласно Иову, «и звезды нечисты пред очами Его», тем паче человек, предназначенный к «разложению». Самоуничтожение, по сути, касается и понтифика, ведь даже Аврааму, возвысившемуся до «собеседования с Богом и стяжавшему милость приблизиться к Нему», пришлось вспомнить о своем низком происхождении, и он воскликнул: «вот, я решил говорить Владыке, я, прах и пепел»¹⁵.

После этого Дамиани рассказывает папе об обрядах смирения, которые применяются в Византии во время императорской коронации. «У греков есть такой обычай: лишь только новопоставленный император облачается в инсигнии, украшается короной славы и скипетром, получает от знати изъявления почтения и воспевается хором, кто-нибудь подходит к нему, держа в одной руке сосуд, наполненный прахом и костями, в другой — льняную паклю, старательно расчесанную, со свисающими волосками. Ее тут же поджигают, и она вмиг сгорает. В первом императору дается видеть то, что он есть, во втором — то, чем он обладает. В прахе он узнает самого себя, а пакля подсказывает, как быстро сторит мир, когда настанет Страшный суд. Так, глядя на себя и на бранные, никчемные свои владения, он ни в коем случае не возгордится, достигнув вершины императорской власти. И поскольку очевидно, что у обладателя и у владения общая судьба, достигший такой высокой почести не вознесется»¹⁶.

В заключение человеку вновь предлагают восхвалить блестящий порядок творения и воздать за это должное не себе, а Творцу. Это значит, что вся природа служит и подчиняется человеку, но это дар, а не право или заслуга. И по той же причине человеку следует презреть земную славу, признать, что «цветущая плоть уже сухая пыль», и трепетать в ожидании Суда. Речь о человеке вообще, обо всех людях, но особенно о тех, кто достиг вершин славы, например о византийском императоре. Взяв его в качестве примера,

Дамиани впервые на Западе рассказал об обряде смирения, применявшемся при коронации. Но в еще большей степени речь здесь о понтифике, которому собственно посвящен трактат. Последняя фраза звучит предупреждением: «Подчиняясь законам своего Создателя, тот, кого мы считаем лучшим из земных творений, пусть и в земной славе поистине просияет»¹⁷.

Как можно видеть, отвечая на вопрос Александра II, Петр Дамиани поднял три фундаментальных темы: краткость жизни папы, достоинство стоящей над всем земным папской власти и брэнность римского понтифика.

1. Если инициатива действительно исходила от Александра II — признаков, ставящих это под сомнение у нас нет, — его вопрос вполне понятен: краткость жизни предшественников фактически обрекала вновь избранного папу на смерть. Вопрос Александра II к Дамиани не скрывает страха смерти? Но ответ Петра Дамиани, хотя и построен на теме краткости жизни, парадоксальным образом утешителен: да, ни один папа не пережил св. Петра, но некоторые приблизились к двадцати пяти годам его понтификата; если краткость жизни — правило, Александр II может надеяться прожить дольше своих предшественников. В конце концов, двадцать лет по тем временам составляли немалый срок, целое поколение.

2. Именно Дамиани обнаружил, что ни один папа не пережил «лет Петра». Эта находка и позволила ему выстроить целое рассуждение о краткости жизни римских понтификов как о чем-то исключительном, отличающем их от всех прочих государей. Тысячелетняя укорененность этой нормы в истории — как сказано выше, трактат написан за три года до юбилея мученичества св. Петра в Риме (67–1067) — не могла восприниматься иначе как знак божественной воли, тем самым усиливалось и ее значение для самоуничтожения.

3. Следует заметить, что в трактате «О краткости» Дамиани использует по отношению к папе самые смелые и новаторские формулировки его верховенства. Эпитеты, описывающие понтифика, действительно сильны: «первый среди людей» (*praecipuus homo*), «вершина и полюс рода человеческого» (*sacumen et vertex humani generis*), «единственный глава всего мира» (*unus omni mundo praesidens*). Наконец, он «царь царей, государь императоров» и «общий отец» (*communis pater*).

Некоторые из этих определений показывают, что Дамиани более, чем кто-либо еще, был уверен в прерогативах Рима, что применяемые им в письме титулы говорят о возрожденном осознании папского авторитета, совсем ослабевшем в предыдущий период¹⁸.

Разве это не важно? Петр Дамиани размышляет над краткостью жизни римского понтифика именно в том трактате, где дает новые определения его исключительной власти. Чем он не новый Авраам? Достойный «собеседования в вышних» с Богом, не должен ли он лучше, чем любой другой, помнить о том, что он — прах? Разве не к папе — среди всех христиан — в наибольшей мере относятся дискурс смирения и ритуалы уничтожения? Вот почему, считает автор послания, папа — единственный правитель, предназначенный к «краткому» служению: он «первый из людей», «по чести и достоинству» он выше всех «живущих во плоти». Чтобы возвеличить функцию папской власти, Дамиани настаивает на физической бренности папы. Хорошо зная эту традицию, немецкий поэт Генрих Вюрцбургский около 1265 года воспользуется его терминологией, чтобы противопоставить бренность и вселенский охват функции понтифика:

«Папа» — короткое слово, но имени этого сила
Мир наш объемлет кругом, достигая самих полюсов¹⁹.

4. Однако будем аккуратны: Дамиани утверждает, что папа «превосходит по чести и достоинству всех живущих во плоти», потому что «Всевышний пожелал, чтобы жизнь его всех наставляла». По той же причине Бог повелел, чтобы и «смерть его послужила спасению народов»²⁰. Более, чем всякая иная, смерть папы — орудие спасения. Этот аргумент тоже мог успокоить тревогу получателя письма. В представлении Петра Дамиани жизнь и смерть папы — настоящий образец для всего христианского мира. Жизнь его коротка потому, что исключительно активна²¹. Уникальность жизни и смерти понтифика соответствует его верховенству над любым другим епископом или королем, но и накладывает на него жизненную программу, радикальным образом затрагивающую всю его человеческую природу: «сознавая себя отцом мироздания, он должен не покладая рук являть благой пример сыновьям»²².

5. Смерть папы совершенно непохожа на смерть другого знатного человека. Она значительнее смерти короля, поскольку внушает больший страх. Говоря о ней, Дамиани делает акцент на упоря-

доченности этого не насильственного, тихого и умиротворенного ухода. «Естественной» смерти папы он противопоставляет гибель королей, которых «часто убивают мечом», то есть подвергают насильственной смерти. Она «подчеркивает неизбывный дисконтинуитет власти», «драматическую окраску магической власти государя, прерывающейся и вечно вынужденной с трудом начинать все сначала»²³. Зато «естественная» смерть папы вписывается в историческую линию, основанную на порядке, призванном умерять вызываемый этой смертью ужас, масштаб которого соответствует масштабам всего христианского мира. Настаивая на вселенском значении смерти папы, Дамиани выводит ее из обыденной смертности. Она касается не только Рима, как смерть епископа касается его диоцеза, а смерть короля — королевства, но всей христианской ойкумены, вселенской церкви.

6. Дамиани недостаточно продемонстрировать свое удивительное открытие в области хронологии — «годы Петра». Он собрал информацию о ритуалах смирения, предназначенных для византийского императора, и описал их своему адресату. Это говорит о его четком желании призвать папу к самоуничтожению не только риторикой краткости и «годами Петра», но и с помощью обрядов.

«Ты не увидишь лет Петра»

Чуть больше полвека спустя тема краткости жизни папы возникает в «Папской книге». Поводом послужил необычно продолжительный понтификат Пасхалия II (1099–1118), правившего целых девятнадцать лет. Проблема показалась столь значительной, что биограф решил пространно рассказать о знамении, возвестившем такой срок.

Во время богослужения некий человек показал епископу Алатри Альберту листок, на котором было написано *Quater quaterni ternique*, что значит «четырежды четыре плюс три», то есть - девятнадцать. Алатрийский прелат поехал в Рим, предстал перед новоизбранным понтификом, сидевшим в тот момент на троне, и воскликнул: «Я узрел это по воле Божьей, и ты узришь, пока будешь жив». А затем громко произнес слова из видения — *quater quaterni ternique*, — которые, согласно «Папской книге», означали не прошедшие дни, недели или месяцы, а годы жизни папы, «которых мы чаем от милости Божьей». Смысл такого пророчества постфактум

от нас не скроется: только божественный промысл мог легитимизировать такой долгий понтификат и его «опасное» приближение к пророческим «двадцати пяти годам Петра»²⁴.

В жизнеописании Каликста II (1119–1124) рассказ о его смерти тоже начинается с риторического замечания о краткости жизни: «Никакая власть долго не длится»²⁵. Здесь возвращение к нашей теме политически мотивировано: Каликст II правил всего пять лет, но с большим блеском. Заключив Вормсский конкордат с Империей (1122), он вывел папство с победой из изнурительной борьбы за инвеституру, поэтому славу правления нужно было как-то уравновесить констатацией его краткости.

В следующие два десятилетия по поводу бренности физической персоны папы стал высказываться Бернард Клервоский. Он не цитирует, но явно помнит рассуждения Петра Дамиани. Уже в письме Евгению III, первому в истории папе из цистерцианцев, он увещевает его не забывать, что он человек, и должен «всегда бояться Того, кто забирает к себе дух государей». А к приглашению размышлять о краткости дней понтификов прибавляет новый аргумент: «Сколько понтификов в последнее время ты видел своими глазами на смертном одре... Твои предшественники сами предупреждают тебя: конец твоего служения не только неминуем, но и близок. Краткость их правления подсказывает тебе, что и твои дни сочтены. Так что не забывай помышлять о смерти среди радостей нынешней славы, ибо несомненно ты последуешь и в могилу за теми, кому ты наследовал трон»²⁶.

Итак, Бернард тоже пользуется понятием краткости жизни, чтобы противопоставить бренность понтифика высокому достоинству его властной функции, но вводит новые акценты. С разговором о краткости он обращается к правящему папе, которому в любом случае не избежать обязательного постоянного самоуничтожения, которому подчинялись его усопшие предшественники. Через одно поколение после Вормса верховенство папства не вызывает ни у кого сомнений, и это заставляет сделать риторику смирения еще более радикальной. Убедительность послания Бернарда Клервоского, основанная на суровой монашеской традиции «презрения к миру», *contemptus mundi*, указывает и на контраст, если не конфликт, между изысканной жизнью папского двора и идеалами строгой простоты цистерцианского монашества.

«Вот две спасительных для тебя мысли: что ты верховный понтифик и что есть — не станешь, а есть! — прах... Если не хочешь

лишить себя радостей и благ созерцания, тебе следует размышлять не только о том, что ты родился человеком, но и о том, как ты родился... Разве ты пришел в мир с тиарой на голове? Сверкая драгоценными камнями и в шелковых одеждах? В гирляндах из перьев и в золоте? Если прогонишь из дум твоих всю эту мишуру, словно утреннее облачко, которое пролетает и испаряется, тебе явится голый человек, бедный, несчастный и достойный сожаления, человек, страдающий от того, что он человек, стыдящийся своей наготы, плачущий о рождении, жалующийся на то, что он вообще существует, человек, явившийся на свет для тягот, а не для почестей, человек, родившийся от женщины, следовательно, во грехе, человек, живущий недолго и поэтому в страхе, в бесконечных несчастьях и поэтому в плаче»²⁷.

Это предупреждение Бернарда запомнили. Через десять лет первый в истории папа из англичан, Адриан IV (1154–1159), говорил о тяготах папского служения в таких выражениях, которые стоит привести. Мы знаем их в передаче Иоанна Солсберийского²⁸. Рассуждая о традиционно употреблявшемся тогда в отношении папы титуле «раб рабов божьих», *servus servorum Dei*, он пишет: «Кто-нибудь сомневается, что папа — раб рабов? Призываю в свидетели господина нашего Адриана, да осчастливит Господь его дни. По его мнению, нет человека несчастнее римского понтифика, никто не сравнится с ним в тяжести его положения. Не имей он прочих проблем, его все равно сломила бы тяжесть трудов. Он признался мне, что на кафедре Петра нашел столько тягот, что все предыдущие выпавшие на его долю испытания по сравнению с этими кажутся временем счастья и полной безмятежности. Он нередко повторяет, что римский трон усеян шипами, папская мантия украшена колючками и весит столько, что раздавит и сломит самые сильные плечи, а корона и тиара сверкают лишь потому, что горят огнем. И добавляет, что, если бы не страх послушаться решения Бога, он никогда не оставил родной Англии, где и жил бы в тиши обители святого Руфа вместо того, чтобы столкнуться со всеми этими неприятностями. Он еще жив, пусть всякий сам спросит, а кто спрашивал — тому можно верить. Папа много раз говорил мне, что его восхождение от простого монаха через все ступени к папскому трону ничего не прибавило к счастью и спокойствию его прежней жизни. А поскольку, когда я рядом с ним, он ничего не желает от меня скрывать, скажу его же словами: «Господь всегда клал меня между молотом и наковальней, но теперь,

если сжалится надо мной, пусть десница его поддержит ношу, которую Он взвалил на немощь мою, ибо мне ее не вынести»²⁹.

Это, судя по всему, самое раннее сознательное изъявление смирения со стороны папы римского. Позже его подхватил Петрарка в одном из «Писем о делах семейных»: «Не слишком известно высказывание Адриана IV, которое я прочел в каком-то сборнике философских безделиц. Он говорил, что нет никого несчастнее понтифика, что нет положения худшего, хотя никто его не оскорбляет, что ему несомненно *очень скоро придется уйти из жизни* просто в силу усталости от забот... Папскую кафедру он называл усыпанной шипами, а мантию, утыканную колючками, считал ношей, способной ослабить и раздавить самые сильные плечи. Он говорил еще, что корона и тиара сверкают потому, что горят огнем, добавляя, что, поднимаясь в иерархии от монастыря к папскому служению, он не приобрел никакого покоя, никакой тишины по сравнению с предыдущей своей жизнью»³⁰.

Первым длительным понтификатом после Пасхалия II стало правление Александра III (1159–1181). Внимательный к делам французский хронист Роберт из Торины открыто указывает на дамианиевский топос и заявляет, что лишь трое из 174 наследников Петра приблизились к двадцати пяти годам его правления: Сильвестр I (314–337) и Адриан I (772–795) правили по двадцать три года, Александр III — двадцать два. Необычная продолжительность последнего понтификата нуждалась в объяснении, которое хронист различает, как и биограф Пасхалия II, «в особой милости Провидения»³¹.

После двухвекового перерыва³² вспомнили о «годах Петра» в связи с Бенедиктом XIII (1394–1423)³³. Педро де Луна умер в Пеннискале 23 мая 1423 года после 29-летнего правления, не приняв низложения, решение о котором 26 июля 1417 года принял Констанцский собор. Тем самым аксиома Дамиани была оспорена, а с ней и один из столпов самоуничтожения понтификов. Правда, Бенедикта XIII официальная папская историография XV века не признавала. Более того, как раз тот факт, что его «понтификат» превзошел «годы Петра», стал аргументом для посмертного осуждения, *damnatio memoriae*. По мнению Антонина Флорентийского (1389–1459), «Бенедикт Отступник... в упрямстве своем себе на погибель превзошел годы Петра, и ничего удивительного — он не только не умер на престоле Петра, но на смертном одре пожелал избрать себе преемника»³⁴.

Исключение Бенедикта XIII из числа законных пап спасло аксиому, и ее самоуничтожительный смысл оставался понятным. Однако ее верность впервые всерьез была поставлена под сомнение. Возможно, поэтому испанский богослов Родриго Санчес де Аревало († 1470) решил критически разобрать всю аргументацию Петра Дамиани. Его «Зерцало человеческой жизни» тоже посвящено папе римскому — Павлу II (1464–1471)³⁵. Аревало интересуется вопросом, «почему краткость жизни свойственна понтификам в большей мере, чем другим государям». Эту краткость он описывает как «страшное несчастье»: «Смерть похищает первосвященников очень скоро после избрания, ни один из наследников апостола Петра, руководившего церковью около пяти пятилеток, не достиг столь долгого правления». Историческую аргументацию Дамиани Аревало заимствует без изменений, но добавляет, что «даже сегодня восседающие на римском престоле достигают порога в несколько лет»³⁶.

Оригинальность взгляда испанского богослова не в представлении каких-то новых объяснений разумности Провидения, сокращающего дни понтификов: недолго живущие папы следуют примеру Христа, «лишенного жизни посередине земного пути». «Жизнь принадлежит бессмертному Богу, и Он самым справедливым образом дарует ее своим верным слугам, дабы никто не возгордился полученной милостью, а другие не завидовали чужому счастью». У наместника Христа божественный промысл отнимает долготу дней, «чтобы он не возносился от такого счастья»³⁷. Его размышления интересны тем, что в них систематически критикуется слишком однозначная дамианиевская концепция «краткости жизни пап», которую Аревало не склонен считать исключительной «прерогативой римской кафедры». Эта краткость, считает он, даже противоречит единству Церкви, потому что безвременные кончины пап провоцируют расколы. Ранняя смерть предстоятеля — не «свойство кафедры», потому что церковь «непрерывна», значит, краткость дней «того, кто занимает трон Петра», абсурдно считать чем-то обязательным.

Цель этой критики совершенно определенная: предупредить понтификов, что они увидят «долгие счастливые дни», только если будут править Церковью, помышляя о ее чести: «если римский понтифик правит церковью праведно и благочестиво, он живет долго, даже если понтификат его непродолжителен, ведь он заслужил эти годы правления, ставшие для него временем жизни». В противном же случае, «даже если правление его длится сто лет,

кратким будет его срок в управлении церковью, потому что все эти годы были временем смерти». Если он проведет свой понтификат бессмысленно и предосудительно, тогда «его жизнь коротка», напротив, «понтифик, богобоязненно правящий Церковью, всегда помнит о смерти, жаждет ее, потому что не живет долго тот, кто жизни не ценит»³⁸.

У Санчеса де Аревало тоpos «краткости дней» становится мотивом личного исправления. Папа стоит перед дилеммой: либо он максимально подчиняет свое земное существование духовным ценностям, либо его понтификат, *tempus pontificatus*, превращается в ничто, из жизни переходит в смерть. Моральная составляющая явно превалирует здесь над ритуальной или риторической. Неважно, кратка ли жизнь или продолжительна. Важен дух, не тело. Церковь не нуждается в таком внешнем признаке, как краткость жизни папы, потому что на первом месте оказывается моральное и политическое поведение предстоятеля. Не нужен ей и другой предлагавшийся Дамиани инструмент — тот ужас, который должны вызывать частые смерти пап: «нас больше огорчает преждевременная смерть какого-нибудь цветущего юноши, чем естественный уход старца»³⁹. Папа должен жертвовать жизнью ради церкви, только так он может заслужить долгих дней, отказываясь от продолжительности физической жизни ради действенного служения. Жизнь понтифика коротка, и продлить ее можно только духовно. Действенное, активное служение — вот что превращает краткость в продолжительность. Поэтому Аревало, обращаясь к самому Павлу II, не боится бросить суровое обвинение против «римских первосвященников, которые боятся смерти, жалуются, жить хотят ... не потому что покидают жизнь, а потому что у них ее отнимают. Жалуются, что прожили мало, потому им вообще не хочется умирать. Не следует им обманывать себя желанием продлить свои дни»⁴⁰.

В XVI–XVII вв. тоpos «лет Петра» ждали новые испытания. Павлу III (1534–1549) Пьетро Аретино желает их преодолеть:

По чину и заслугами своими
Он времени велит вернуться вспять,
Чтобы Петру годами ровней стать⁴¹.

Примерно в те же годы итальянский медик Томмазо Рангони из Равенны посвящает Юлию III (1550–1555), Павлу IV (1555–1559) и Пию IV (1559–1565) необычное сочинение о том, как продлить

жизнь пап до 120 лет и больше. К каждому избранию он выпускает новое издание трактата, меняя лишь фронтиспис. В приложении он объясняет, что папа «увидит годы Петра и даже больше» благодаря некоему эликсиру и другим парамедицинским средствам⁴².

Новое прочтение мы находим при Урбана VIII (1623–1644). Говорят, когда он лежал на смертном одре, какой-то клирик тихонько сказал ему: «Ты не увидишь лет Петра». Папа тут же отвечал: «Не верится»⁴³. Однако топос не позабыли: в 1726 году бельгийский ораторианец Гильом де Бюри в популярной истории понтификов указывает, что Лев X, взошедший на трон в тридцать лет, «вскоре умер, всего лишь сорокалетним», и комментирует, словно припоминая слова Дамиани: «Даже избранные в молодости понтифики не видят лет Петра»⁴⁴.

На рубеже XVIII–XIX вв. два понтифика, один за другим, приблизились к «годам Петра». Последний понтификат XVIII столетия — Пия VI (1775–1799) — продлился почти как служение св. Петра: 24 года, 6 месяцев, 14 дней. Этот факт приветствовали как божественное решение, доброе предзнаменование для церкви: «Сильвестр I, Лев III, Адриан I, Лев III, Александр III и Пий VI жили дольше других потому, что особо радели о делах церкви»⁴⁵. Исполненные энтузиазма дистихи приветствовали и его преемника Пия VII (1800–1823), который тоже почти достиг пресловутого срока⁴⁶. Правда, примерно тогда же двадцатипятилетний понтификат св. Петра был поставлен под сомнение: целый ряд энциклопедий, не только непосредственно связанных с историей папства, указывал на тридцать два года, то есть на один год меньше, чем возраст Христа на момент Страстей⁴⁷.

Первым «лет Петра» достиг Пий IX (1846–1878). Папа, созвавший I Ватиканский Собор, отпраздновал двадцать пятый юбилей понтификата в 1871 году. Это произошло всего через несколько лет после 1800-летней годовщины смерти апостола Петра (1867) и через 800 лет после того, как Дамиани открыл правившему понтифику непреложный закон истории (1064). Событие не прошло незамеченным: в память о достижении Пием IX «лет Петра» памятные надписи поместили в главных римских базиликах (Сан Джованни ин Латерано, Св. Петра и Санта Мария Маджоре) и некоторых церквях (Санта Мария ин Виа Лата, Сан Теодоро)⁴⁸. Чтобы узаконить окончательную девальвацию топоса, предсмертная фраза Урбана VIII превратилась в пророчество постфактум: уже в начале понтификата Пий IX якобы объявил, что «годы Петра» как норма — «не по вере»⁴⁹.